

Генри Хаггард

Аллан Кватермэн

Аллан Квотермейн

Генри Райдер Хаггард

Аллан Квотермэн

«Public Domain»

1887

Хаггард Г.

Аллан Кватермэн / Г. Хаггард — «Public Domain»,
1887 — (Аллан Квотермейн)

«Я похоронил недавно моего мальчика, моего милого мальчика, которым я так гордился. Сердце мое разбито. Так тяжело – иметь только одного сына и потерять его. Божья воля! И я не мог ничего поделать. Смею ли я, могу ли жаловаться? Неумолимо вертится колесо судьбы и ловит всех нас поочередно, – одних скорее, других позже, – в конце концов, уничтожает всех. Мы не подаем ниц перед неумолимым роком, как бедные индейцы, мы пытаемся убежать туда или сюда, мы вопим о пощаде... но бесполезно! Как гром, разражается над нами мрачный рок и обращает нас в пыль и прах...»

Содержание

Вступление	6
Совет консула	9
Черная рука	15
У миссионера	19
Альфонс и его Анета	24
Умслопогас дает обещание	28
Рассвет близок	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Генри Райдер Хаггард Аллан Кватермэн

*** * ***

Вступление

Я похоронил недавно моего мальчика, моего милого мальчика, которым я так гордился. Сердце мое разбито. Так тяжело – иметь только одного сына и потерять его. Божья воля! И я не мог ничего поделать. Смею ли я, могу ли жаловаться? Неумолимо вертится колесо судьбы и ловит всех нас поочередно, – одних скорее, других позже, – в конце концов, уничтожает всех. Мы не подаем ниц перед неумолимым роком, как бедные индейцы, мы пытаемся убежать туда или сюда, мы вопим о пощаде... но бесполезно! Как гром, разражается над нами мрачный рок и обращает нас в пыль и прах.

Бедный Гарри! Умереть так рано, когда целая жизнь раскрывалась перед ним! Он так усердно работал в больнице, так блестяще сдал последние экзамены, и я так гордился этим, полагаю, даже больше, чем он сам. Ему нужно было отправиться в другую больницу для изучения оспенной заразы. Он писал мне оттуда, что не боится оспы, и что ему необходимо изучить болезнь и набраться опыта. Страшная болезнь унесла его, и я, старый, седой, слабый, остался оплакивать его, совсем одинокий на свете. У меня нет никого, ни детей, ни близких, чтобы пожалеть и утешить меня. Я мог бы спасти его, – не пускать туда, у меня достаточно средств для нас обоих, – более, чем нужно, рудники царя Соломона в изобилии снабжают меня деньгами. Но я говорил себе: нет, пусть мальчик учится жить, пусть работает, чтобы насладиться потом отдыхом! Но этот отдых застал его среди работы. О, мой мальчик, мой дорогой мальчик! Судьба моя похожа на судьбу библейского Иова, который имея много имущества, много житниц с хлебом, – я тоже припасал много добра для моего мальчика! Бог прислал за его душой, и я остался один, в полном отчаянии. О, я хотел бы умереть вместо моего милого мальчика!

Мы похоронили его после полудня, под сенью древней, серой церковной башни, в той деревне, где я живу. Это был печальный декабрьский день. Тяжелые снеговые тучи облегли небо. Как только гроб поставили в могилу, несколько снежных хлопьев упало на него. Чистой девственной белизной сияли они на черных покровах! Перед тем, как опустить гроб в могилу, произошло замешательство, – забыли нужные веревки. Мы стояли молча и ждали, наблюдая, как пушистые снежные хлопья падали на гроб, словно благословение неба, таяли и превращались в слезы над телом бедного Гарри. Это еще не все. Красногрудый снегирь смело спустился, сел на гроб и начал петь. Я испугался и упал на землю с растерзанным сердцем. Сэр Генри Куртис, человек более сильный и смелый, чем я, также упал на колени, а капитан Гуд отвернулся. Как ни велико было мое горе, я не мог не заметить этого.

Эта книга «Аллан Кватермэн» – извлечение из моего дневника, который я вел более двух лет тому назад. Я переписываю его вновь, так как мне кажется, что он может служить началом истории, которую я собираюсь рассказать, если Богу угодно будет дозволила мне окончить ее. Невелика беда, если я и не окончу. Этот отрывок из дневника был написан за семь тысяч миль от того места, где я лежу теперь, больной, и пишу это, а красивая девушка стоит около меня и отмахивает мух от моего августейшего лица. Гарри – там, а я здесь, и все же я чувствую, что и я скоро уйду к нему.

В Англии я жил в маленьком, красивом доме, – говорю в красивом доме, сравнительно с домами, к которым я привык, живя в Африке, – не дальше, чем в 500 ярдах от старой церкви, где спит вечным сном мой Гарри. После похорон я вернулся домой и немного поел, потому что может ли быть хороший аппетит у того, кто похоронил все свои земные надежды! Немножко закусив, я принялся ходить, вернее ковылять, – я давно уже хромаю благодаря укусу льва, – взад и вперед по отделанной под дуб передней комнате, потому что в моем английском доме есть комнаты. На четырех стенах комнаты были размещены около сотни пар рогов. Тут были действительно прекрасные образцы, так как я хранил только лучшие рога. В центре комнаты, над большим камином, находилось пустое пространство, где я повесил свои винтовки. Неко-

торые из них были старинного образца, которых теперь уже не увидишь, я достал их 40 лет тому назад. Одно старое ружье я купил несколько лет тому назад у бура, который сказал мне, что из этого ружья стрелял его отец в битве при Кровавой реке, после того как Динган напал на Наталь и убил шестьсот человек, включая женщин и детей. Буры называли это место местом плача, и так называется оно и до сих пор. Много слонов убил я из этого ружья. Оно вмещает горсть черного пороха и три унции пулек и дает сразу двойной выстрел. Итак, я прохаживался взад и вперед, посматривая на ружья и на рога, и великая тревога заползала в мою душу. Я должен уехать прочь из этого дома, где я живу празднично и спокойно, опять в дикую страну, где я провел лучшую половину жизни, где встретил мою дорогую жену, где родился мой бедный Гарри, где случилось со мной столько хорошего и дурного. Во мне жила жажда пустыни, дикой страны, я не мог выносить более моей жизни здесь, я должен уехать и умереть там, где я жил, среди дикарей и диких зверей! Расхаживая по комнате, я думал и смотрел на лунный свет, серебристым блеском заливавший небесный свод, и таинственное море кустарника, наблюдал за причудливой игрой его на воде. Господствующая в человеке страсть сильнее всего отзывается перед смертью, как говорят, а мое сердце умерло в эту ночь. Независимо от моего волнения, понятно, что ни один человек, проживший сорок лет так, как я, не может безнаказанно запереться в Англии, с ее нарядными, огороженными, возделанными полями, с ее чопорными, образцовыми манерами, ее разодетой толпой. Мало-помалу, он начнет тосковать, о свежем дыхании воздуха пустыни, грезить безбожными зулусами, которые, подобно орлам, бросаются на врагов со скалы, и сердце его возмущается против узких границ цивилизованной жизни.

И эта цивилизация! Что дает она? Целых сорок лет провел я среди дикарей, изучая их нравы и обычаи, потом несколько лет я прожил в Англии, и, по собственному глупому разумению, присматривался к детям цивилизации. И что же я нашел? Огромную пропасть между теми и другими? Нет, небольшое расстояние, которое простодушный человек легко перепрыгнет. Дикарь и цивилизованный человек очень похожи друг на друга, только последний – изобретательнее и обладает способностью комбинации. Зато дикарь, насколько я узнал его, не знает жадности к деньгам, которые, подобно раку, впиваются в сердце белого человека. В общих чертах дикарь и дитя цивилизации сходны между собой. Смею думать, что высокообразованная дама, читая эти строки, улыбнется наивности старого глупца-охотника, когда подумает о своих черных, увешанных бусами сестрах! Улыбнется также высококультурный прожигатель жизни, смакуя свой обед в клубе. Цена этого обеда могла бы прокормить целую неделю не одну голодную семью! Моя дорогая барышня! Что это за прелестные вещи надеты на вашей шейке? Они имеют странное сходство, особенно, когда вы надеваете низко вырезанное платье, с украшениями дикой женщины. Ваша привычка вертеться под звуки музыки, ваше пристрастие к притираниям и пудрам, уловки, к которым вы прибегаете, чтобы заполучить себе богатого завоевателя, который должен сделаться вашим супругом, ловкость, с которой вы убираете себе голову перьями и всякой всячиной – все это приближает вас к вашим черным сестрам! Вспомните, что в основных принципах вашей природы – вы совершенно схожи с ними! Вы, сударь, также смеетесь? Пусть дикарь придет и ударит вас по лицу, пока вы наслаждаетесь удивительно приготовленным блюдом, мы увидим тогда, не сидит ли в вас самих такой же дикарь?!

Я уеду навсегда отсюда, и что здесь хорошего? Цивилизованные люди – те же дикари, посеребренные сверху! Цивилизация – суетные слова, подобно северному сиянию, она сверкнет и исчезнет, и окружающий мрак сгустится еще сильнее. Она подобна дереву, выросшему на почве варварства, и я уверен, рано или поздно, она падет, как пала цивилизация Египта, культура эллинов и римлян и много других, которых не перечислить. Не подумайте, что я осуждаю современные учреждения, представляющие из себя экстракт человеческих опытов на пользу общую! Цивилизация дала нам большие преимущества, напр., больницы. Но, подумайте, эти больницы наполнены больными людьми, жертвами той же цивилизации! В диких странах боль-

ниц нет. Является вопрос: насколько эти благословленные небом люди обязаны больше христианству, чем цивилизации?

Весы качаются, поднимаются, – здесь больше, там меньше, природа дает средний вывод на обеих чашках весов, и общая сумма является главным фактором в этом огромном уравнении, результат которого равен неизвестному количеству целей и намерений.

Разумеется, на все это можно смотреть только как на вступление молодого народа на путь прогресса. Мне приятно думать, что мы пытаемся иногда понять границы нашей природы, что серьезность познаний вовсе не пугает нас! Человеческое искусство необъятно и растяжимо, подобно эластичной ленте, но человеческая природа похожа на железное кольцо. Вы можете его обойти кругом, можете отлично отполировать его, сплющить, можете прицепить его к другому кольцу, но никогда, пока существует мир и человек, не увеличите его постоянную окружность. Это – вещь неизменяемая, как звезды на небе, более прочная, чем горы, неизменная, как пути Вечного. Природа человека – это калейдоскоп Бога, – маленькие цветные стекла, в которых отражаются наши страсти, надежды, страхи, радости, стремления к добру и злу. Всемогущая Десница управляет ими, как звездами, уверенно и спокойно направляя их в новые сочетания и комбинации. Но основные элементы природы остаются неизменными, независимо от того, будет ли больше цветных стекол, или меньше.

Цивилизация должна осушить человеческие слезы, а мы плачем и не можем утешиться. Война отвратительна ей, а мы деремся ради домашнего очага, ради дома, чести и славы и находим удовлетворение в драке. И так везде и во всем.

Когда сердце убито, а голова лежит в прахе, нам не надо цивилизации. Назад, назад! Мы ползем назад, укладываемся на великой груди Природы, как малютки, и ждем, что она утешит нас, заставит нас забыть пережитое или спасет от жала воспоминаний!

Кто из нас, в своем великом горе, не чувствовал желанья смотреть в дивное лицо природы, нашей всеобщей матери? Кто не стремился лежать где-нибудь на горе и следить, как облака плывут по небу, слушать раскаты отдаленного грома, слиться, хотя бы ненадолго, своей бедной, жалкой жизнью с жизнью природы, почувствовать биение ее сердца, забыть все свои печали, погрузиться в ее вечную энергию и жизненную силу! Она создала нас, от нее мы произошли, к ней и вернемся! Она дала нам жизнь и поглотит нас в своих недрах.

Расхаживая по комнате моего дома в Йоркшире, я мечтал о нежных объятиях матери-природы. Не той природы, которую вы знаете и видите – в ровных зеленеющих лесах, в улыбающихся нивах, но дикой природы, такой, какой она была создана, нетронутой, девственной, не знающей борющегося и мятущегося человечества. Я уйду туда, где на свободе бегают звери, назад, в страну, история которой никому неизвестна, к дикарям, которых я люблю, хотя некоторые из них так же беспощадны, как политическая экономия. Там я научусь спокойнее думать о бедном Гарри, который лежит под сенью старой церкви, и сердце мое не будет разрываться от тоски.

Декабря 23.

Совет консула

Прошла неделя со времени похорон бедного Гарри. Однажды вечером я ковлял по комнате и раздумывал, как вдруг позвонили у наружной двери. Спустившись с лестницы, я сам открыл дверь. Вошли мои старые друзья – сэр Генри Куртис и капитан Джон Гуд. Они уселись перед камином, где, я хорошо помню это, горел яркий огонь.

– Вы очень добры, что зашли ко мне, – сказал я, – не очень приятно гулять по такой погоде!

Они ничего не сказали, но сэр Генри молча набил свою трубку и наклонился закурить ее у камина. В это время большое сосновое полено ярко вспыхнуло и озарило всю его фигуру. Он был удивительно красивый человек. Спокойное, властное лицо, тонкие правильные черты, большие серые глаза, золотистые волосы и борода – великолепный образец утонченного человеческого типа. Его фигура не уступала по красоте лицу. Я никогда не видел таких могучих плеч и такой широкой груди. В сущности, сэр Генри так пропорционально сложен, что несмотря на свой рост – 5 футов – он выглядит довольно высоким человеком. Я смотрел на него и не мог не подумать, какой курьезный контраст с его лицом и рослой фигурой представляет моя собственная тщедушная особа. Вообразите себе маленького, слабого человека, шестидесяти трех лет, с пожелтевшим лицом, тонкими руками, большими темными глазами и коротко остриженными, поседевшими волосами на голове, торчащими, как щетина, худого, утонувшего в своем платье, – и вы будете иметь полное понятие об Аллане Кватермэне, которого обыкновенно называют «охотник Кватермэн», а по месту рождения «Макумацан-англичанин».

Капитан Гуд мало походил на нас. Коротенький, мрачный, очень коренастый человек, с мерцающими черными глазами, с вечным стеклышком в одном глазу. Я назвал его коренастым, но это сказано слишком мягко, скорее он дюжий человек. В последующие годы я должен, к сожалению, сознаться, Гуд начал очень некрасиво толстеть. Сэр Генри уверяет, что все происходит от праздности и обжорства. Гуду это не нравится, хотя он не может отрицать данного факта.

Некоторое время мы сидели молча, потом я зажег лампу, стоявшую на столе, потому что печальный полумрак в комнате сильнее нагонял тоску, наполнявшую сердце человека, похоронившего неделю тому назад все надежды своей жизни. Я открыл шкаф, находившийся в стене, и нашел там бутылку виски, несколько бокалов и воду. Я люблю делать все сам, для меня невыносимо вечно видеть кого-нибудь около себя, под боком.

Куртис и Гуд сидели молча, я полагаю потому, что им нечего было сказать мне, что они рады были утешить меня своим присутствием, своим молчаливым сочувствием моему горю, так как это был их второй визит после похорон.

И это верно, что иногда, в тяжелые минуты тоски, нас лучше успокаивает молчаливое присутствие людей, чем разговор, который только раздражает. Мои друзья сидели, курили, пили виски с водой, я стоял у камина, также курил и смотрел на них. Наконец, я заговорил.

– Старые друзья, – сказал я, – как давно мы вернулись из страны Кукуана?

– Три года, – сказал Гуд. – Почему ты спрашиваешь?

– Я спрашиваю потому, что я довольно попробовал цивилизации. Я поеду обратно к дикарям!

Сэр Генри откинул голову на спинку кресла и улыбнулся своей глубокой, загадочной улыбкой.

– Как странно! – сказал он. – А, Гуд?

Гуд таинственно взглянул на меня сквозь свое стеклышко.

– Да, странно, очень странно!

– Я ничего не понимаю, – произнес я, смотря то на одного, то на другого, – и не люблю загадок!

– Не понимаешь, старый дружище? – сказал сэр Генри. – Я объясню тебе. Мы с Гудом шли сюда и толковали. Он говорил...

– Если Гуд что-либо и говорил, – возразил я саркастически, – он ведь мастер болтать. Что же это такое?

– Как ты думаешь? – спросил сэр Генри.

Я покачал головой. Как я мог знать, что болтал Гуд? Он болтает о массе вещей.

– Это относительно маленького плана, который я составил, – именно, если ты захочешь, мы можем отправиться в Африку, в новую экспедицию!

Я подпрыгнул при этих словах.

– Что ты говоришь? – воскликнул я.

– Да, я это говорю, и Гуд тоже говорит! Неправда ли, Гуд?

– Верно! – ответил джентльмен.

– Выслушай, старый дружище! – продолжал сэр Генри, заметно оживляясь.

– Я устал, смертельно устал от безделья, разыгрывая роль сквайра. Больше года я не могу найти себе покоя, как старый слон, почуявший опасность. Я вечно грежу о стране Кукуана, о рудниках царя Соломона и сделался жертвой непреодолимого стремления бежать отсюда, уверяю тебя! Мне до смерти надоело убивать фазанов и куропаток, я нуждаюсь в путешествии. Ты поймешь это чувство, – раз попробовал виски с водой, молока не возьмешь и в рот! Год, проведенный нами в стране Кукуана, кажется мне, стоит всех остальных лет моей жизни, сложенных вместе. Добавлю, что я глуп, что страдаю от этого, но помочь ничем не могу. Я скучаю и, более того, только и думаю убраться отсюда!

Он помолчал и продолжал.

– В конце концов, почему мне не ехать? У меня нет ни жены, ни родных, ни ребят, ни цыплят. Если со мной что-либо случится, то баронетство перейдет к моему брату Георгу и его сыну, как известно. Мне нечего делать здесь!

– А, я так и думал, что, рано или поздно, ты придешь к этому. Ну, теперь ты, Гуд, какие у тебя резоны для путешествия? Есть они?

– Да, – ответил торжественно Гуд, – я ничего не делаю без причины, и если тут замешана дама, то не одна, а несколько!

Я взглянул на него. Гуд – удивительно суетный человек.

– Что же у тебя? – спросил я.

– Если вы желаете знать, – хотя мне нежелательно было бы говорить о деликатном и лично касающемся меня деле, – я скажу вам: я начал слишком толстеть!

– Замолчи, Гуд! – сказал сэр Генри. – Кватермэн, скажи нам, что ты можешь предложить?

Я зажег свою трубку, прежде чем ответить.

– Слыхали ли вы, господа, о горе Кения? – спросил я.

– Нет, я не знаю такого места! – отвечал Гуд.

– Слыхали ли вы об острове Ламу?

– Нет. Погоди. Не он ли находится почти в 300 милях к северу от Занзибара?

– Да. Слушайте. Вот что я предлагаю вам. Отправимся в Ламу, и оттуда надо сделать 250 миль до Кения. От Кения до Лекакизара еще 200 миль, или вроде этого, и там, я уверен, никогда еще не ступала нога белого человека. Затем, если мы пойдем дальше, то вступим в совершенно неизведанную область. Что вы скажете на это, друзья мои?

– Трудный план? – сказал сэр Генри задумчиво.

– Ты прав, – ответил я, – но я решил это, потому что все мы трое отправимся выполнять этот трудный план. Нам нужна перемена жизни, и мы найдем совершенно иную природу, иных людей – полную перемену. Вся мою жизнь я мечтал посетить эти страны, и я надеюсь сделать

это раньше, чем умру. Смерть моего мальчика порвала последнюю связь между мной и цивилизованным миром, и я вернулся к моей природной дикости. Теперь я скажу вам другую вещь. В продолжение нескольких лет до меня доходили слухи о великой белой расе, которая, как предполагали, обитает где-то в этом направлении, и я мечтаю увидеть этих людей, если они действительно существуют. Если вы, друзья, желаете отправиться со мной, отлично! Если нет, я поеду один!

– Я с тобой, хотя и не верю в твою белую расу! – сказал сэр Генри Куртис, вставая и кладя руку на мое плечо.

– Я тоже! – заметил Гуд. – Я потащусь за тобой! Всеми силами я постараюсь добраться до Кения и в другое место с трудно произносимым названием и увижу несуществующую белую расу! Вот все, что я скажу!

– Когда ты предполагаешь отправиться? – спросил сэр Генри.

– В этом месяце, – отвечал я. – На пароходе Британской Индии. Ты не уверен в существовании расы, потому что не слыхал о ней, Гуд! Вспомни о рудниках царя Соломона!

Четырнадцать недель прошло со времени этого разговора. После долгих рассуждений и справок, мы пришли к заключению, что нашим исходным пунктом для путешествий к горе Кения должен быть не Момбаза, а устье реки Тана, на 100 миль ближе к Занзибару.

Мы решили это, благодаря сведениям, которые дал один немецкий путешественник, встретившийся нам на пароходе по пути в Аден. Я думаю, что это самый грязный немец, которого я когда-либо знал, но он был хороший товарищ и дал нам драгоценные сведения.

– Ламу? – сказал он. – Вы едете в Ламу? О, какое это прекрасное место! – он повернул к нам свое жирное лицо и подмигнул с выражением кроткого восхищения. – Полтора года я прожил там и никогда не менял рубашки, совсем никогда!

Прибыв на остров, мы сошли с парохода со всем своим имуществом, и не зная, куда идти, смело направились к дому консула, где были очень гостеприимно приняты.

Ламу – курьезное местечко, но больше всего остались у меня в памяти необычайная грязь и вонь. Это было нечто ужасное. Около консульства тянется взморье, или, вернее, грязный берег, называемый взморьем. Во время отлива берег совершенно гол и служит местом свалки всяких нечистот, отбросов города. Здесь женщины зарывают в прибрежную грязь кокосы, оставляя их тут, пока верхняя шелуха совершенно не сгниет, тогда их вырывают из грязи и из волокон плетут циновки и разные другие вещи. Это занятие переходит по наследству из поколения в поколение, поэтому трудно вообразить и описать все ужасное состояние берега. Я знал много дурных запахов в течение моей жизни, но никогда не ощущал такой ужасающей вони, как здесь, на берегу, когда мы сидели, при свете месяца, под гостеприимной кровлей нашего друга консула. Неудивительно, что народ здесь умирает от лихорадки. Местечко, само по себе, не лишено известной прелести, но это впечатление исчезает под гнетом зловония.

– Куда вы думаете направиться, джентльмены? – спросил гостеприимный консул, когда мы закурили наши трубки после обеда.

– Мы предполагаем отправиться в Кения, а оттуда в Лекакизера, – отвечал сэр Генри. – Кватермэн слышал что-то о белой расе людей, живущих на неизведанных территориях!

Консул посмотрел на нас, заинтересованный, и ответил, что он также слышал об этом.

– Что вы слышали? – спросил я.

– О, немного. Все, что я знаю, знаю из письма, полученного мною год тому назад от Мекензи, шотландского миссионера, пост которого находится на самом возвышенном пункте реки Тана!

– У вас есть его письмо? – спросил я.

– Нет, я уничтожил его, но помню, что он писал, как один человек явился к нему и заявил, что он путешествовал два месяца, пока добрался до Лекакизера, где не бывал никогда еще белый человек. Там он нашел озеро по имени Лага, затем он пошел дальше, к северо-востоку,

и странствовал целый месяц, через пустыни, целые заросли колючего терновника и огромные горы, и, наконец, достиг страны, где жили белые люди в каменных домах. Сначала его приняли очень гостеприимно, но потом жрецы сочли его за дьявола, и народ хотел убить его. Он убежал от них и путешествовал 8 месяцев, добрался, наконец, до миссионерского дома и умер, как я слышал. Вот все, что я знаю. И если вы спросите меня, я отвечу вам, что все это ложь. Но, быть может, вам нужно узнать об этом повернее, поезжайте к миссионеру Мекензи на Тану и расспросите его!

Сэр Генри и я переглянулись. Все это было загадочно.

– Я думаю, что нам придется отправиться туда! – сказал я.

– Отлично, – отвечал консул, – это самое лучшее, что вы можете сделать, но я должен предостеречь вас, что вы имеете ввиду тяжелое путешествие, потому что я слышал, что Мазаи бродят неподалеку, а с ними шутки плохи. Лучше всего, если вы найдете несколько людей в качестве ваших слуг и охотников, и нескольких носильщиков. Правда, с ними вам будет немало хлопот, но все же это окажется дешевле и выгоднее, чем нанимать целый караван. Кроме того, у вас будет меньше риска, что они убегут.

К счастью, в Ламу находилась в это время партия солдат (Ваквафи Аскари). Ваквафи – это скрещенное племя Мазаи и Ватавета. Они представляют собой мужественный народ обладающий многими хорошими качествами зулусов и большой способностью к цивилизации. Все они отличные охотники. Случилось так, что эти люди совершили длинное путешествие с одним англичанином, по имени Джутсон, который отправился из Момбаза – гавань на расстоянии 150 миль от Ламу, – и обошел вокруг Килиманджаро, одной из высочайших гор Африки. Бедняга, он умер от лихорадки на обратном пути, на расстоянии одного дня дороги до Момбаза. Он перенес массу опасностей и не дожил нескольких часов, которые отделяли его от спасения. Охотники похоронили его и прибыли в Ламу. Наш друг консул убедил нас нанять этих людей. На следующее утро мы отправились повидаться с ними, сопровождаемые переводчиком.

Мы нашли их в грязной лачуге, в предместье города. Трое из них сидели у лачуги и выглядели добродушными молодцами, более или менее цивилизованного вида. Мы осторожно объяснили им цель нашего посещения, сначала совсем безуспешно. Они прямо заявили, что не хотят и говорить об этом, что они слишком устали и измучились в долгом путешествии, что сильно горюют о смерти своего хозяина. Они думают отправиться домой и отдохнуть.

Все это звучало неутешительно, и чтобы отвлечь их внимание, я спросил, где находятся остальные. Мне сказали, что их шестеро, а я видел только троих. Один из них сказал мне, что остальные трое спят в лачуге, отдыхают от трудов.

– Сон отягчил их веки, – добавил он, – и сердце их облегчилось. Самое лучшее – это спать, потому что сон дает забвение! К несчастью, человек должен просыпаться!

Наконец, трое остальных мужчин, зевая, вышли из хижины. Первые два были, очевидно, той же самой расы, как те, что стояли передо мной. Но, увидя третьего, я готов был выпрыгнуть из своей собственной кожи. Это был человек высокого роста, грубый, но худощавый, с крепкими стальными мускулами. Один взгляд на него сказал мне, что он был не из Ваквафов, а чистейшей крови зулус. Он вышел, прикрывая рот тонкой, почти аристократической рукой, чтобы скрыть зевоту. Я сейчас же заметил, что он «Кашла» или человек с кольцом!¹ Он отнял руку ото рта, и я увидел энергичное лицо зулуса, с насмешливым ртом, короткой бородой, уже поседевшей, и парой темных соколиных глаз. Я сразу узнал этого человека, хотя не видал его 12 лет.

– Как ты поживаешь, Умслопогас? – спросил я его.

¹ Между зулусами существует обычай, что человек, достигший известных лет и положения, присваивает себе право носить кольцо, сделанное из черной камеди, перевитое волосами и отполированное, как бриллиант. Почетное положение супруга нескольких жен также дает право носить такое кольцо. Пока человек не носит кольца, на него смотрят, как на мальчика, хотя ему может быть 35 и более лет.

Высокий человек, о происхождении и приключениях которого на его родине ходят целые легенды, известный под именем «Дятла» или «Губителя», взглянул на меня и в удивлении выронил из рук длинный боевой топор. Сейчас же он узнал меня и поклонился.

– Начальник! – сказал он. – Старинный начальник! Великий начальник! Отец! Макумацан! Старый охотник! Губитель слонов, пожиратель львов! Зоркий, осторожный, смелый, спокойный! Его выстрелы всегда метки, его глаза зорки! Он верен друзьям! Отец! Мудрость говорит голосом нашего народа: гора никогда не встретится с горой, но, на рассвете, человек встретится с другим человеком! Слушай! Пришел вестник из Наталя. Макумацан умер! – вскричал он.

– Макумацана больше нет на земле. Это было несколько лет тому назад. Теперь, в этом странном месте, я нахожу Макумацана, моего друга. Тут нечего сомневаться. Старый шакал поседел, но разве глаза его не зорки и зубы не остры? Ха! Ха! Макумацан, помнишь как ты всадил пулю между глаз буйвола? Помнишь...

Я позволил ему болтать, потому что видел впечатление его слов на лицах остальных охотников, которые, казалось, поняли его болтовню. Но потом я прервал его, потому что ненавижу эту манеру зулусов чрезмерно восхвалять человека.

– Молчи! – сказал я. – Я удивляюсь, что вижу тебя с этими людьми! Я оставил тебя начальником на твоей родине. Как ты попал сюда вместе с этими чужеземцами?

Умслопогас облокотился на ручку своего длинного топора, с прекрасно сделанной роговой рукояткой, и лицо его омрачилось.

– Отец мой! – отвечал он. – Мне надо сказать тебе, но я не могу говорить перед этой сволочью, – он взглянул на солдат Ваквафи, – мои слова годны только для твоих ушей. Отец мой, я скажу тебе, – лицо его еще более потемнело, – одна женщина смертельно оскорбила и обманула меня, покрыла мое имя позором, моя собственная жена, круглолицая девушка, обманула меня. Но я избежал смерти, убил тех, которые искали убить меня. Вот этим топором я ударил три раза: направо, налево и в лоб, – ты помнишь, как я бью, и убил трех человек. Потом я убежал, и хотя я не молод, но ноги мои легки, как ноги антилопы, и никто не поймает меня на бегу. Я бежал из своего собственного крааля, и за мной гнались убийцы и выли, словно собаки на охоте. Спрятавшись, я выследил ту, которая меня обманула, когда она шла за водой к источнику. Подобно тени смерти, я налетел на нее и ударил ее топором. Ее голова упала в воду. Тогда я бежал к северу. Три месяца блуждал я, не останавливаясь, не отдыхая, все подвигаясь вперед, пока не встретил белого охотника. Он умер, а я пришел сюда с его слугами. Ничего у меня нет. Я происхожу от высокого рода, от крови Чеки, великого царяначальника – и теперь я странник, человек, не имеющий крааля. Ничего у меня нет, кроме топора. Они отняли у меня мой скот, взяли моих жен, мои дети не увидят более моего лица! Вот этим топором, – он вертел вокруг головы свое ужасное оружие, – я пробью себе новую дорогу. Я все сказал!

– Умслопогас, – сказал я, – я давно знаю тебя. Ты самолюбив, родился от царственной крови и, пожалуй, превзошел самого себя теперь. Несколько лет тому назад, когда ты составил заговор против Цетивайо, я предостерег тебя, и ты послушался. Теперь, когда меня не было с тобой, ты натворил всяких бед. Но что сделано, то сделано. Забудем это! Я знаю тебя, Умслопогас, за великого воина царской крови, презиравшего смерть. Выслушай меня. Видишь ли ты этого высокого человека, моего друга? – я показал ему на сэра Генри. – Он такой же великий воин, как ты, так же силен, как ты, и, пожалуй, шире тебя в плечах. Его зовут Инкубу. А вот другой, видишь, с круглым животом, блестящими глазами и веселым лицом. Его зовут Бугван «Стекланный глаз», он хороший человек и происходит из странного племени, которое проводит всю жизнь на воде и живет в плавучих краалях. Нас трое, и мы отправляемся путешествовать внутрь страны, пройдем белую гору (Кения) и вступим в неизведанные области. Мы не знаем, что будет с нами, мы будем охотиться, искать приключений, новых мест, потому что нам надоело сидеть в городе и видеть одно и то же вокруг себя. Хочешь идти с нами? Ты

будешь начальником наших слуг, но что с нами будет, я не знаю. Раньше мы путешествовали уже втроем, брали с собой одного человека – Умбона – и оставили его начальником великой страны, повелителем убранных перьями воинов, которые повиновались одному его слову. Что будет теперь – неизвестно. Может быть, смерть ждет нас. Хочешь идти с нами, или боишься, Умслопогас?

Старый воин засмеялся.

– Ты не совсем прав, Макумацан, – сказал он, – не самолюбие довело меня до падения, – а позор и стыд мне, – красивое женское лицо! Но забудем это. Я иду с вами. Жизнь или смерть впереди, что мне за дело, если можно убивать, если кровь потечет рекой. Я старею, старею, и все-таки я великий воин среди воинов! Посмотри! – он показал мне бесчисленные рубцы, шрамы, царапины на груди и руках. – Знаешь, Макумацан, сколько человек убил я в рукопашном бою? Сосчитай, Макумацан! – он указал мне на пометки, сделанные на роговой рукоятке топора. – Сто три! Я не считаю тех, кому я вскрыл живот.²

– Довольно, – сказал я, заметив, что его трясет, как в лихорадке, – замолчи! Ты поистине «Губитель»! Мы не любим слушать об убийствах. Слушай, нам нужны слуги. Эти люди, – я указал на Ваквафи, которые отошли в сторону во время нашего разговора, – не хотят идти с нами!

– Не хотят идти? – вскричал Умслопогас. – Какая это собака не хочет идти, когда мой отец приказывает? Ты, слушай! – одним сильным прыжком он очутился около солдата, с которым я говорил ранее, схватил его за руку и крепко сжал. – Собака! – повторил он, сильно сжимая руку испуганного человека. – Ты сказал, что не пойдешь с моим отцом? Скажи еще раз, и я задушу тебя... – его длинные пальцы впилась в горло Ваквафи, – скажи, и те остальные... Разве ты забыл, как я служил твоему брату?

– Нет, мы пойдем с белым человеком! – пробормотал тот.

– Белый человек! – продолжал Умслопогас с притворно усиливающейся яростью. – О ком ты говоришь, дерзкая собака?

– Мы пойдем с великим начальником!

– То-то! – сказал Умслопогас спокойным голосом и внезапно отнял руку, так что солдат упал назад. – Я так и думал!

– Этот Умслопогас имеет сильное нравственное воздействие на своих спутников! – заметил потом Гуд.

² Зулусы имеют обыкновение вскрывать живот умершему врагу. У них существует суеверие, что, если не сделать этого, то труп распухает, так же как тело его убийцы.

Черная рука

Скоро мы покинули Ламу и через десять дней очутились в местечке Чарра, на реке Тана, испытав много разных приключений, о которых не стоит говорить. Между прочим, мы посетили разрушенный город, который, судя по многочисленным развалинам мечетей и каменных домов, был очень населенным местом. Эти разрушенные города, а их тут несколько, – относятся к глубокой древности, и, я думаю, были богаты и имели значение еще во времена Ветхого Завета, когда они служили центром торговли с Индией. Но слава их исчезла, когда прекратилась торговля невольниками. Там, где когда-то богатые торговцы, собравшиеся со всех концов мира, толпились и торговали на площадях, громко ревет лев, охраняя свое логовище, и вместо болтовни невольников и пронзительных голосов барышников по разрушенным проходам и коридорам звучит эхо его ужасного рычания. Тут, в ограде, где валялся всевозможный мусор, мы нашли два огромных камня удивительной красоты и жалели, что не могли унести их собой. Нет сомнения, что они украшали собой вход во дворец, от которого не осталось и следа.

Исчезло, все исчезло! Подобно благородным господам и дамам, жившим за этими воротами, города эти кипели когда-то жизнью, теперь погибли, как Вавилон и Ниневия, как погибли в свое время Лондон и Париж. Ничто не вечно – таков непреложный закон. Мужчины, женщины, империи, города, троны, власть, могущество, горы, реки, моря, миры, пространства – все погибнет. В этих заброшенных развалинах моралист увидит символ участи всей вселенной.

В Чарра мы жестоко поссорились с начальником наших носильщиков, которых мы наняли идти дальше. Он вздумал заломить с нас небывалую цену.

В конце концов, он грозил нам призвать Мазаи. В эту же ночь он бежал со всеми носильщиками, стащив большую часть нашего имущества, которую им поручено было нести.

К счастью, им не удалось утащить наши винтовки, одежду; разумеется, не из деликатности, а потому, что вся поклажа оказалась в руках пятерых Ваквафи.

После этого мы ясно поняли, что нам надо бросить всякую мысль о караванах и носильщиках, да и имущества у нас осталось немного. Куда и как нам отправиться теперь?

Гуд быстро решил эту задачу.

– Здесь вода, – сказал он, указывая на реку, – и вчера я видел туземцев, которые в пирогах охотились за гиппопотамами. Я знаю, что дом миссионера Мекензи находится на реке Тана. Почему бы не поехать туда в лодках?

Это блестящее предложение было встречено с радостью. Я решил купить нужные пироги у туземцев. Через три дня я успел заполучить две больших пироги, каждая из них была выдолблена из огромного бревна и могла вместить шесть человек с багажом. За эти две пироги мы отдали все оставшееся у нас платье и некоторые вещи.

На следующий день мы пустились в путь на двух пирогах. В первой находились Гуд, сэр Генри и трое солдат Ваквафи, во второй сидели я, Умслопогас и остальные двое солдат. Нам пришлось ехать вверх по реке, и мы попробовали пустить в дело наши четыре весла и работали все, кроме Гуда, как невольники. Это была тяжелая, утомительная работа.

Гуд, едва успев войти в лодку, очутился в родной стихии и принял команду над нами. Он хорошо командовал. На суше Гуд был вежливый джентльмен, с мягкими манерами, любивший подурачиться. На воде же он стал сущий демон. Он знал в совершенстве все, что касалось воды и плавания, от морской торпеды до умения держать весло в африканских пирогах, а мы ровно ничего не знали. Его понятия о дисциплине были очень строги, можно сказать, он оказался нашим повелителем на воде и сторицей отплатил нам за небрежность, с которой мы относились к нему на суше. Но, с другой стороны, я должен сказать, что он удивительно хорошо правил лодкой.

Через день Гуду удалось с помощью кой-какого платья приделать паруса к каждой пироге, что несколько облегчило наш труд. Течение было очень сильно, и мы с трудом плыли по двадцать миль в день.

Мы отправлялись в путь на рассвете и плыли до десяти часов, когда солнце начинало жечь так, что грести было невозможно. Тогда мы выходили на берег, съедали наш скромный обед, после которого спали или занимались чем-нибудь до трех часов.

В три часа мы снова отправлялись в путь, до заката солнца, когда останавливались на ночлег. Однажды вечером, пристав к берегу. Гуд задумал, с помощью Аскари, устроить загородку из терновых кустов и развести огонь. Я, сэра Генри и Умслопогас отправились подстрелить что-нибудь к ужину. Задача была легкая, потому что на берегах Таны водится много всякого зверья и дичи. Однажды ночью сэра Генри убил самку жирафа, мозговая кость которой – великолепное блюдо.

Мне удалось убить пару косуль. Иногда мы разнообразили наш стол, убивая гвинейских кур или павлинов, или ловили прекрасную рыбу, которой изобилует Тана.

Через три дня с нами произошло неприятное приключение. Мы пристали к берегу, по обыкновению, на ночлег, как вдруг заметили невдалеке человеческую фигуру, очевидно, поджидавшую нас. Одного взгляда было достаточно, чтобы я узнал молодого воина из племени Мазаи Эльморен.

Если бы я даже усомнился в этом, то все сомнения мои рассеялись при испуганном крике наших Ваквафи: «Мазаи!»

Какую дикую, воинственную фигуру представлял он из себя! Я привык к виду дикарей, но скажу, что никогда не видел лица более свирепого и внушающего ужас. Он был громадного роста, почти как Умслопогас, и красив, но красотой дьявола. В правой руке он держал копье в пять с половиной футов длины, причем только клинок имел два с половиной фута. В его левой руке находился большой эллиптической формы щит из кожи буйвола, на котором были нарисованы странные геральдические надписи. На плечах его лежал капюшон из соколиных перьев, а вокруг шеи была надета полоса бумажной пестрой материи. Обычная его одежда из козлиной кожи была завязана узлом, в виде пояса, а на боку торчал меч, который представляет из себя кусок стали, вложенный в деревянные ножны. Самой замечательной принадлежностью из всего его одеяния была шапка из страусовых перьев, которая сходилась у подбородка и шла кругом всего лица, удивительно оттеняя сатанинское выражение физиономии дикаря в рамке пестрых перьев. Вокруг лодыжек болталась черная бахрома, а на ногах были надеты шпоры, из-под которых торчали пучки прекрасного черного обезьяньего волоса.

В таком наряде стоял Мазаи Эльморен, поджидая наши пироги. Я не мог различить всех подробностей его костюма, совершенно подавленный общим впечатлением и мыслью о том, что мы должны предпринять.

Пока мы размышляли о том, что нам делать, воин двинулся с места, махнул на нас копьем и исчез.

– Гола! – закричал сэра Генри с другой лодки. – Наш друг, начальник каравана, сдержал свое слово и выдал нас Мазаи. Не опасно ли пристать к берегу?

Я думал, что это небезопасно; но, с другой стороны, мы не могли ничего сострять в пироге, чтобы поесть, а есть хотелось всем. Наконец, Умслопогас ускорил наше решение, заявив, что пойдет на разведку, и пополз в кустарник, как змея, а мы остались ждать его на воде. Через полчаса он вернулся и сказал нам, что мы видели не Мазаи, а просто воина-дикаря, что он сам выследил место, где они, действительно, расположились лагерем, и по некоторым признакам думает, что Мазаи тронулись не более, как час тому назад. Воин, которого мы видели, был послан с донесением о нашем появлении. Мы причалили к берегу, расположились кружком, поужинали и принялись обсуждать всю опасность нашего положения. В сущности, возможно, что появление воина вовсе не грозит нам ничем, что он один из шайки, послан-

ный грабить и убивать людей из вражеского племени. Но когда мы вспомнили угрозу наших носильщиков и зловещее помахивание копьем в нашу сторону, дело показалось нам несколько иным. Одно было несомненно, что отряд Мазаи следил за нами и ждал удобного случая, чтобы напасть на нас.

У нас было два выхода: или идти вперед, или убраться назад. Последнее было отвергнуто всеми, тем более, что, отступая, мы могли наткнуться на еще большие опасности. Поэтому решили отправиться вперед во что бы то ни стало. Рассудив, что спать на берегу небезопасно, мы забрались в пироги и отвели их на середину реки, прикрепив их, вместо якоря, к большим камням толстыми веревками, сделанными из волокон кокоса.

Здесь москиты усердно накнулись на нас, и это, вместе с боязнью за свою безопасность, отогнало сон от меня, хотя другие спали, не обращая внимания на москитов. Я лежал, курил, размышлял, обдумывал, главным образом, как бы избежать Мазаи. Была чудная лунная ночь, и, несмотря на москитов и на опасность заболеть лихорадкой, ночуя на реке, несмотря на судорогу в моей правой ноге от неудобного положения в пироге, на то, что спящие Ваквафи отчаянно храпели, я поистине наслаждался чудной ночью. Лучи месяца играли на поверхности реки, воды которой неуклонно стремились к морю, как человеческая жизнь к могиле. На берегах царил мрак, и ночной ветер печально вздыхал в тростниках. Слева от нас, на берегу реки, находилась песчаная отмель, на которой не было деревьев. Тут я мог различить целое стадо антилоп, подошедших к воде пить. Как вдруг раздалось зловещее рычание, и все они испуганно убежали. Через несколько минут я увидел массивную фигуру его величества, царя зверей, явившегося запивать свой обед. Он медленно двигался в тростниках в пятидесяти шагах от нас, а еще через несколько минут исполинская черная масса выделилась из воды и захрапела.

Это был гиппопотам. Он был так близко от меня, что я видел, как он, движимый любопытством узнать, что такое представляют из себя наши пироги, открыл свою пасть, посмотрел и широко зевнул, давая мне возможность полюбоваться своими клыками.

Я хотел было всадить ему пулю, но, подумав, оставил его в покое, тем более, что он был слишком тяжел для нашей пироги. Скоро он бесшумно исчез из виду. При взгляде вправо, на берег, мне показалось, что я вижу темную фигуру, прячущуюся за деревьями. У меня очень острое зрение, так что я был уверен, что вижу кого-то, но был ли это зверь, птица или человек – я не мог различить.

В это время темное облачко закрыло месяц, лес затих. Вдруг раздался резкий, хорошо мне знакомый крик совы, повторившийся настойчиво несколько раз. После этого наступила полнейшая тишина, только ветер шумел среди деревьев и в тростнике.

Неизвестно почему, меня охватило странное нервное возбуждение. Особых причин пока не было, потому что путешественник в Центральной Африке постоянно окружен опасностями, но, тем не менее, я не мог успокоиться. Обыкновенно я смеюсь и не верю разным предчувствиям, но теперь, помимо моей воли, мной овладело гнетущее предчувствие близкой опасности. Холодный пот выступил на моем лбу, но мне не хотелось будить других. Я чувствовал, что страх мой возрастает, пульс слабо бился, как у умирающего человека, нервное состояние дошло до крайности. Это ощущение вполне знакомо тому, кто подвержен кошмарам. Но моя воля торжествовала над страхом, я продолжал полулежать в пироге, повернув лицо в сторону Умслопогаса и двоих Ваквафи, спавших около меня.

На некотором расстоянии я слышал всплески гиппопотама, затем крик совы повторился неестественно визгливым вскриком.³ Ветер жалобно тянул раздирающую сердце песню. Над нашими головами стояло мрачное облако, а под нами – холодная, черная масса воды. И я ощущал дыхание смерти в окружающем мраке! Это было гнетущее ощущение.

³ Нет сомнения, что крик совы, как я узнал потом, служит сигналом среди племен Мазаи.

Вдруг я почувствовал, что кровь застала в моих жилах, и сердце перестало биться. Показалось это мне, или мы двигаемся? Я перевел взгляд на другую лодку за нами, но не видел ее, а вместо нее заметил худую, черную руку, протянутую над пирогой.

Неужели это кошмар? В ту же минуту темное дьявольское лицо показалось из воды. Пирогой покачнувшись, блеснул нож, раздался ужасный крик одного из спавших Ваквафи, и что-то теплое брызнуло мне в лицо.

В одно мгновение я очнулся, понял, что это не кошмар, а нападение Мазаи. Схватив первое, что попало под руку – это был топор Умслопогаса – я изо всей силы ударил им по тому месту, где видел руку с ножом. Удар пришелся прямо по руке и отрубил всю кисть. Дикарь не издал ни стоны, ни крика. Явившись, как привидение, он исчез так же таинственно, оставив после себя отрубленную руку, все еще сжимающую меч, воткнутый в сердце нашего бедного Ваквафи.

Между дикарями произошло смятение, и мне показалось, не знаю, верно ли это было, что несколько голов скользнули по воде к правому берегу, у которого должна была скоро очутиться наша пирога, так как якорная веревка была перерезана.

Как только я освоился с обстановкой, я понял план дикарей. Они перерезали веревку, чтобы пирога естественным течением реки прибило к берегу, где ждал отряд воинов с копьями, готовый перебить всех нас.

Схватив весло, я велел Умслопогасу взять другое, – оставшийся в живых Аскари был ни жив, ни мертв от страха, – и мы принялись усердно грести к середине реки, и как раз вовремя, потому что через несколько минут мы оказались бы у берега, и тогда нам всем грозила смерть.

Как только мы достаточно отделились от берега, то поспешили узнать, уцелела ли наша другая пирога.

Тяжелая и опасная это была работа к окружающему мраке! Очевидно милосердный Бог руководил нами. Наконец, усердно работая веслами, мы увидели нашу другую пирогу и были рады узнать, что на ней все благополучно.

Несомненно, та же самая черная рука дикаря, которая перерезала нашу веревку, намеревалась сделать это и с другой пирогой, если бы дикаря не погубила непреодолимая склонность убивать при всяком удобном случае. И хотя это стоило жизни одному из нас, но зато спасло всех остальных от гибели! Не явись эта черная рука, этот призрак около лодки, – я никогда до смерти не забуду этой минуты, – пирога была бы у берега, прежде, чем я мог понять, что случилось, и эта история не была бы написана мной!

У миссионера

Мы прикрепили остатки нашей веревки к другой пироге и стали ожидать рассвета, поздравляя друг друга с избавлением от страшной опасности, что было скорее милостью к нам Провидения, чем результатом наших собственных усилий. Наконец, начало светать. Редко так радостно встречал я рассвет. На дне пироги лежал несчастный Аскари и около него окровавленная рука дикаря. Я не мог выносить этого зрелища. Взяв камень, который служил якорем для пироги, я привязал к нему убитого человека и бросил его в воду. Он пошел ко дну, и только пузыри остались на воде после него. Ах! Когда придет время, большинство из нас канет в Лету, оставив за собой только пузыри – единственный след нашего существования! Руку дикаря мы также бросили в реку. Меч, который мы вытащили из груди убитого, был очень красивой, очевидно, арабской работы, с рукояткой из слоновой кости, отделанной золотом. Я взял его себе вместо охотничьего ножа, и он оказался очень полезным мне. Один из Ваквафи перебрался в мою пирогу, и мы снова пустились в путь в невеселом расположении духа, надеясь добраться до миссии только ночью.

Через час после восхода солнца полил сильный дождь, еще более ухудшивший наше положение. Мы промокли до костей, так как не могли укрыться от дождя в пирогах. Ветер упал, и паруса были бесполезны; мы ползли потихоньку с помощью весел.

В одиннадцать часов мы пристали к левому берегу; дождь несколько утих, и мы развели огонь, поймали и зажарили рыбу, не смея пойти в лес поохотиться. В два часа мы тронулись в путь, взяв с собой запас жареной рыбы.

Дождь полил еще сильнее. Плыть по реке становилось все труднее, благодаря камням, мелководью и чрезвычайно сильному течению. Очевидно было, что к ночи нам не добраться до гостеприимной кровли миссии – перспектива не особенно приятная! В пять часов пополудни, совершенно измученные, мы могли ясно определить, что находимся почти в 10 милях от миссии. Примирившись с этим, мы должны были позаботиться о безопасном ночлеге.

Мы не решились пристать к берегу, покрытому густой растительностью, где могли спрятаться Мазаи. К счастью, мы заметили маленький скалистый островок на середине реки. Мы сейчас же пристали к нему, крепко привязали пироги и вышли на землю, стараясь устроиться возможно комфортабельнее, насколько позволяли обстоятельства. Что касается погоды, то она была отвратительна: дождь пронизывал нас до костей, мешая развести огонь. Одно обстоятельство несколько утешало нас. Наши Аскари объявили, что ничто не заставит Мазаи напасть на нас в такую погоду, так как они не любят дождя и ненавидят даже самую мысль о мытье. Мы поели невкусной холодной рыбы, все, за исключением Умслопогаса, который, как истый зулус, не выносил ее, и выпили водки, которой у нас, к счастью, осталось несколько бутылок. Это была самая тяжелая ночь, которую мне пришлось пережить, за исключением, пожалуй, той ночи, когда мы, трое белых людей, готовы были погибнуть от холода во время нашего путешествия в страну Кукуанов. Ночь тянулась бесконечно, и я боялся, что наши Ваквафи умрут от дождя и холода; они, наверное, умерли бы, если бы я не давал им небольших порций водки. Даже такой закаленный, старый воин, как Умслопогас, живо ощущал все неудобство нашего положения, хотя, в противоположность Ваквафи, которые стонали и жаловались на свою судьбу, он не произнес ни одной жалобы. Под утро мы услышали крик совы и начали готовиться к нападению врага, хотя я не думаю, чтобы мы могли оказать серьезное сопротивление. Но сова на этот раз оказалась настоящей, да и сами Мазаи, наверное, чувствовали себя так скверно, что и не помышляли о нападении.

Наконец, первые лучи рассвета скользнули по воде, и дождь перестал. Появилось лучезарное солнце, прогнало туман и обогрело воздух. Измученные, истощенные, мы поднялись и пошли отогреваться в ярких лучах, чувствуя горячую благодарность к солнцу. Я вполне пони-

маю, почему первобытные народы боготворили солнце, которое играло слишком большую роль в их жизни.

Через полчаса мы пустились в путь с помощью попутного ветра. Вместе с солнцем к нам вернулось хорошее расположение духа, и мы готовы были смеяться над опасностями предшествовавшей ночи. В одиннадцать часов, когда ми подумывали, по обыкновению, остановиться на отдых и попытаться застрелить какую-нибудь дичь на обед, внезапный поворот реки открыл перед вами картину настоящего европейского дома, с верандой вокруг, превосходно расположенного на холме и окруженного высокой каменной стеной и рвом.

Над домом широко разрослась огромная, ветвистая сосна, верхушку которой мы видели несколько раз за последние два дня, не подозревая, что она растет в самой миссии. Я первый увидел дом и не мог удержаться от радостного возгласа, к которому присоединились другие. Мы и не подумали останавливаться теперь на берегу, а усердно принялись грести, и хотя дом казался близко, однако, мы плыли долго и только в час причалили к берегу, на котором высился дом миссии. Выйдя на берег, мы заметили три фигуры, спешивших нам навстречу, одетых в обычный английский костюм.

– Господин, дама и девочка, – воскликнул Гуд, вглядываясь в трио сквозь свое стеклышко, – шествуют самым цивилизованным манером, по прекрасному саду нам навстречу. Повесьте меня, если это не самая любопытная вещь, которую мы видели!

Гуд был прав. Странно было видеть здесь этих европейцев; это походило на сон или на сцену из итальянской оперы. Но сон обратился в действительность, когда мы услышали слова, обращенные к нам на чистейшем шотландском наречии:

– Здоровы ли вы, господа? – сказал мистер Мекензи, седоволосый, угловатый человек, с добрым лицом и красными щеками. – Надеюсь, что вижу вас в полном здравии. Туземцы сказали мне, что час тому назад выследили две лодки с белыми людьми, плывущие по реке, и мы поспешили встретить вас!

– Я так рада снова увидеть белых людей! – произнесла дама, прелестная, изящная на вид особа.

Мы сняли шляпы и представились.

– А теперь, вы, наверное, устали и проголодались, господа! – сказал мистер Мекензи. – Пойдемте! Мы очень рады видеть вас! Последний белый человек, который приехал к нам год тому назад, был Альфонс – вы его увидите!

Мы пошли по откосу холма, нижняя часть которого была отгорожена и представляла собой сады, полные цветов и овощей. По углам этих садов группировались грибообразные хижинки, занимаемые туземцами, которым покровительствовал мистер Мекензи. В центре садов была проложена дорожка, окаймленная по обеим сторонам рядами апельсиновых деревьев; они были посажены не более десяти лет тому назад, но в этом прекрасном климате разрослись до невероятных размеров и были обременены золотистыми плодами. После довольно крутого подъема, мы подошли к прекрасной ограде, заключавшей пространство земли в 4 акра, где находился собственный сад, дом, церковь и другие строения мистера Мекензи, на самой вершине холма. И что это был за сад! Я всегда любил хорошие сады и всплеснул руками от восторга, когда увидел сад миссионера. Рядами стояли здесь все лучшие европейские плодовые деревья. На вершине холма климат был так ровен, что все английские растения, деревья, цветы произрастали великолепно, были даже некоторые разновидности яблок. Была здесь земляника, томаты, и какие еще! Дыни, огурцы, всевозможные виды растений и плодов...

– Великолепный у вас сад! – сказал я с восхищением и с некоторой завистью.

– Да, – ответил миссионер, – сад очень хорош и вполне вознаграждает все мои труды. И климат здесь благодатный! Если вы посадите в землю персиковую косточку, она принесет вам плод через три года, а черенок розы зацветет через год. Прекрасный климат!

Мы подошли ко рву, наполненному водой, на другой стороне которого возвышалась каменная стена с бойницами в 8 футов вышины.

– Там, – сказал мистер Мекензи, указывая на ров и стену, – за этой стеной «magnum opus», там – церковь, а по другой стороне – дом. Мне потребовалось двадцать человек туземцев, которые два года рыли ров и строили стену, и я не был спокоен, пока работы не были окончены. Теперь я вполне огражден от всех дикарей Африки, потому что поток, наполняющий ров, вытекает из-под стены, журчит одинаково летом и зимой, и я всегда держу в доме запас провизии на четыре месяца!

Пройдя по дощечке через ров, мы пролезли через узкое отверстие в стене и вошли во владения мистера Мекензи, именно, в его чудный сад, красоту которого трудно описать. Я никогда не видел таких роз, гардений, камелий (редкие сорта даже в Англии). Тут была целая коллекция прекрасных луковиц, собранных маленькой дочкой миссионера, мисс Флосси. В середине сада журчал фонтан, с каменным, очень красиво устроенным бассейном. Дом представлял собой массивное строение, с прелестной верандой, и был построен в виде четырехугольника, четвертая сторона которого, вмещавшая кухню, была отделена от дома. Прекрасный план постройки в такой жаркой стране!

В центре четырехугольника находился самый замечательный предмет из всего виденного нами в этом прелестном месте – оригинальное дерево, имевшее триста футов в высоту; ствол его имел 16 футов в диаметре. Высоко, на семьдесят футов, поднимался прямой прекрасный ствол, без единой ветви, а наверху широко разрослись темно-зеленые сучья, имевшие вид гигантских листьев, раскинулись над домом и садом, осенили его благодатной тенью и в то же время, благодаря высоте, не препятствовали свету и воздуху проникать в дом.

– Какое замечательное дерево! – воскликнул сэр Генри.

– Да, вы правы, удивительно красивое дерево! Во всей стране, насколько я знаю, нет такого другого! – ответил миссионер. – Я называю его сторожевой башней. Когда мне нужно, я прикрепляю веревку к нижним сучьям и поднимаюсь на дерево со зрительной трубой. Я могу видеть с дерева на 15 миль кругом. Но я забыл, что вы голодны, а обед готов. Идемте, друзья мои! Я расскажу вам, как мне удалось заполучить французского повара!

Он направился к веранде. Я последовал за ним. В это время дверь, ведущая из дома на веранду, отворилась, и появился маленький, проворный человек, одетый в синюю бумазейную куртку, в кожаных башмаках, замечательный своим хлопотливым видом и огромными черными усами.

– Мадам позволит мне доложить, что обед подан? Господа, мой привет вам! – внезапно, увидев Умслопогаса, который стоял позади нас и играл своим топором, он всплеснул руками от удивления. – Ах, какой человек! – вскричал он по-французски. – Какой ужасный дикарь! Заметьте, какой у него страшный топорщик!

– Что вы там болтаете, Альфонс? – спросил мистер Мекензи.

– Болтаю? – возразил маленький француз, не отводя глаз от Умслопогаса, вид которого, казалось, совершенно очаровал его. – Что я болтаю? Я говорю об этом черном господине!

Все мы засмеялись, а Умслопогас, заметив, что сделался предметом общего внимания, свирепо нахмурился.

– Черт возьми! – вскричал Альфонс. – Он сердится, делает гримасы. Мне это не нравится. Я исчезаю!

Он быстро убежал. Мистер Мекензи присоединился к общему смеху.

– Странный характер у Альфонса! – сказал он. – Потом я расскажу вам его историю. А пока пойдем попробовать его стряпню!

– Скажите мне, – сказал сэр Генри, когда мы уселись за превосходно приготовленный обед, – как вам удалось залучить французского повара в эту дикую страну?

– Он приехал сюда по своему собственному желанию и просил принять его в услужение. Вы можете попросить его рассказать вам свою историю!

Когда обед был окончен, мы закурили трубки, и сэр Генри описал гостеприимному хозяину все наши путешествия.

– Очевидно, – сказал миссионер, – что эти ракалии Мазаи выследили вас, и я очень рад, что вы благополучно добрались сюда. Не думаю, чтобы они решились напасть на вас здесь. К несчастью, почти все мои люди ушли с караваном, около двухсот человек, а здесь осталось не более двадцати человек, чтобы отразить внезапное нападение. Во всяком случае, я отдам сейчас же кое-какие приказания!

Подозвав черного человека, стоявшего у сада, он подошел к окну и что-то сказал ему на туземном диалекте. Человек выслушал, поклонился и ушел.

– Смею надеяться, – сказал я, когда он вернулся на свое место, – что мы не причиним вам столько тревоги. Мы уйдем раньше, чем эти кровожадные негодяи осмелятся беспокоить вас!

– Вы не уйдете. Если Мазаи идут, то придут, и я полагаю, что мы устроим им теплую встречу. Я не способен указать человеку на дверь ради всех дикарей на свете!

– Я помню, – продолжал я, – консул в Ламу говорил мне, что у него есть ваше письмо, в котором вы писали, будто к вам приходил человек, заявивший, что он видел белых людей внутри страны. Как вы думаете, правда ли это, или вымысел? Я спрашиваю потому, что до меня доходили слухи о существовании этой белой расы!

Вместо ответ миссионер вышел из комнаты и вернулся, держа в руках курьезнейший длинный меч.

Весь клинок его, толстый и острый, был странно раскрашен, но меня удивило более всего, что края меча, остро отточенные, несмотря на существование клинка, были великолепно отделаны золотом.⁴

– Видели ли вы когда-нибудь такой меч? – спросил мистер Мекензи.

Мы осмотрели оружие и покачали головой.

– Хорошо, я показал вам меч, потому что его мне принес человек, который сказал, что видел белых людей, и это оружие более или менее подтверждает правдивость его слов, хотя я принял все его рассказы за басню. Я скажу вам все, что знаю об этом!

– Однажды, после полудня, я сидел на веранде, как вдруг вошел бедный, жалкий, усталый человек. Я спросил его, откуда он пришел, и что ему надо. Он пустился в длинное повествование о том, что он принадлежал к племени, жившему далеко на севере, которое было уничтожено другим, враждебным племенем, что он с немногими, оставшимися в живых, бежал далее на север и прошел озеро, по имени Лага. Затем, кажется, путь его лежал к другому озеру, находившемуся в горах; «озеро без дна» так назвал он его. Здесь его жена и брат умерли от какой-то заразной болезни, – вероятно, от оспы, – и народ прогнал его из своих селений. Десять дней шатался он по горам и, наконец, очутился в густом лесу, где его нашел белый человек, который охотился и привел его к белым людям, жившим в больших каменных домах. Тут он прожил с неделю, пока однажды, ночью, к нему не пришел человек с белой бородой, «человек, который лечит» – так сказал он мне, – исследовал и осмотрел его. После этого его отвели опять в лес, на границу пустыни, дали ему пищи и этот меч и оставили одного.

– Так, – произнес сэр Генри, слушавший с большим интересом, – что же дальше?

– Согласно его словам, он перенес много страданий и лишений, неделями питался только корнями растений, ягодами и тем, что ухитрялся поймать или убить. Наконец, он добрался до нас. Я так и не узнал всех подробностей его путешествия, потому что велел ему придти на другой день и приказал старшему из слуг позаботиться о нем. Слуга увел его. Бедняк страдал

⁴ Я видел сотни мечей потом, но никогда не мог понять, как вделяются пластинки золота в сталь оружия. Оружейники Цу-венди, которые выделывают мечи, дают клятву никому не открывать секрета.

чесоткой, и жена моего слуги не хотела пустить его в хижину из боязни заразиться. Ему дали одеяло и велели спать на воздухе. К несчастью, поблизости от нас бродил лев, который заметил несчастного, прыгнул на него и откусил ему голову. Никто из людей не подозревал об этом. Так кончилась его жизнь и вся история о белых людях, и я не знаю сам, правда это или вымысел! Как вы думаете, мистер Кватермэн?

– Я тоже не знаю, – отвечал я, – но в этой дикой стране так много загадочного, что мне будет досадно, если вся история окажется вымыслом! Во всяком случае, мы попытаемся и поищем! Мы намереваемся отправиться к Лекакizare, а оттуда, если будем живы, к озеру Лага. Если там живут белые люди, мы найдем их!

– Вы – отважный народ, друзья мои, – сказал миссионер с легкой улыбкой.

Альфонс и его Анета

После обеда мы осмотрели все здание и все строения миссии. Я должен сознаться, что это прекраснейший уголок во всей Африке.

Мы вернулись на веранду, где нашли Умслопогаса за его любимым занятием, – он усердно чистил винтовки. Это была единственная работа, которую он признавал, потому что начальник зулусов не мог унижить своего достоинства какой-нибудь другой работой. Курьезное зрелище представлял из себя огромный зулус, сидящий на полу, тогда как его боевой топор стоял около него, прислоненный к стене. Его тонкие аристократические руки деликатно и заботливо чистили механизм винтовок. Он придумал имя каждой винтовке. Одну, принадлежавшую сэру Генри, он называл «Громобой», другую маленькую, но дающую сильный выстрел – прозвал «малюткой, которая говорит, словно хлещет». Винчестеры он называл «женщины, которые говорят так быстро, что не различишь одного слова от другого», винтовки Мартини он называл «обыкновенным народом», и так все до одной. Курьезно было слышать, как он, во время чистки, разговаривал с ними, как с людьми, шутил с самым добродушным видом. Он беседовал также со своим топором, считая его, кажется, задушевым другом, и целыми часами рассказывал ему свои приключения. С присущим ему юмором, он назвал свой топор «Инкози-каас», что значит «начальница» на языке зулусов. Я удивлялся такому названию и, наконец, спросил его об этом. Он объяснил мне, что его топор – женского пола, потому что у него женская привычка глубоко проникать во все. Он добавил, что его топор заслуживает названия «начальницы», так как все люди падают перед ним, подавленные его силой и красотой. Кроме того, Умслопогас советовался со своим топором во всех затруднениях, потому что этот топор, по его словам, обладает большой мудростью, так как «заглянул в мозги многих людей».

Я взял топор и долго рассматривал ужасное оружие. Роговая рукоятка имела около трех футов длины, с шишкой на конце, величиной с апельсин, чтобы не скользила рука. Около этого набалдашника было сделано много зарубок, обозначающих число людей, убитых топором. Он был сделан из прекраснейшей стали и хорошо отшлифован. Умслопогас не знал, наверное, происхождения этого топора, так как взял его из рук человека, которого убил несколько лет тому назад.⁵ Топор не был тяжел, весил всего 21/2 фунта, как я думаю, но в руках Умслопогаса был смертоносным орудием. Обыкновенно он с силой ударял врага несколько раз набалдашником топора, употребляя острие только в особых случаях. Благодаря этой привычке долбить врага, он и получил прозвище «Дятел». Умслопогас дорожил своим замечательным и ужасным оружием больше собственной жизни. Он выпускал его из рук только, когда ел, но и тогда топор лежал у него под ногами.

Едва я успел отдать Умслопогасу топор, явилась мисс Флосси и просила меня посмотреть коллекцию ее цветов, африканских лилий и цветущих кустов.

Некоторые были удивительно красивы, хотя совершенно неизвестны мне. Я спросил ее, не слыхала ли она о лилии «Гойа», чудная красота которой поражала африканских путешественников. Эта лилия цветет только однажды в 10 лет и любит сухую почву. Позднее мне удалось увидеть этот редкий цветок, и я не сумею описать его красоту и необыкновенно нежное и сладкое благоухание. Цветок выходит из венчика луковицы толстым мясистым стебельком и иногда имеет до 14 дюймов в диаметре. Сначала образуются зеленые ножны, потом появляются цветистые усики и грациозно выются по стеблю. В конце концов, выходит сам цветок, ослепительно белая дуга которого заключает в себе чашечку бархатистого малинового цвета; из середины этой чашечки выглядывает золотистый пестик. Я никогда не видел ничего подобного этому роскошному цветку, который мало кому известен. Смотря на него, я невольно поду-

⁵ Позднее я узнал, что этот топор принадлежал дикарю, прозванному «Непобедимым»

мал, что в каждом цветке отражается величие и слава Создателя! К моему удовольствию, мисс Флосси заявила мне, что хорошо знает цветок, и пыталась вырастить его в своем саду, но безуспешно.

– Впрочем, – добавила она, – теперь такое время, что он цветет, и я постараюсь достать вам один экземпляр!

Затем я спросил ее, не скучает ли она здесь и не чувствует ли себя одинокой, среди дикарей, не имея подруг-сверстниц.

– Одинока ли я? – возразила мисс Флооси. – О, нет! Я счастлива и занята целый день, у меня есть друзья. Мне противно было бы находиться в толпе белых девочек, таких же, как я! Здесь, – продолжала она, – качнув головкой, – я – это я сама! На несколько миль в окружности туземцы хорошо знают «Водяную лилию», – так называют они меня, – и готовы все сделать для меня. А в книжках, которые я читала о маленьких девочках в Англии, ничего нет подобного. Всего они боятся и делают только то, что нравится их учительнице! О, если б меня посадили в клетку – это разбило бы мне сердце! Я свободна теперь, свободна, как воздух!

– Разве вы не любите учиться?

– Я учусь. Отец учит меня латыни, французскому языку и арифметике!

– Вы не боитесь этих дикарей?

– Бояться? О, нет, они не трогают меня. Я думаю, они верят, что я «Нгои» (божество), потому что у меня белая кожа и золотистые волосы. Взгляните! – она сунула свою маленькую ручку за корсаж платья и достала маленький револьвер в виде боченочка. – Я всегда ношу его с собой заряженным, и если кто-нибудь тронет меня, я убью его! Однажды я убила леопарда, который набросился на моего осла. Он перепугал меня, но я выстрелила ему в ухо, и он упал мертвым. Шкура этого леопарда лежит вместо ковра у моей кровати. – Посмотрите теперь сюда! – продолжала она изменившимся голосом, указывая вдаль. – Я сказала вам, что у меня есть друзья, вот один из них!

Я взглянул по тому направлению, куда она показывала и увидел прекрасную гору Кения. Гора почти всегда скрывалась в тумане, но теперь ее лучезарная вершина сияла издали, хотя подошва была еще окутана туманом. Вершина, поднимающаяся на 20 000 футов к небу, казалась каким-то видением, висящим между небом и землей. Трудно описать торжественное величие и красоту белой вершины.

Я смотрел на нее вместе с девочкой и чувствовал, что сердце мое усиленно бьется, и великие и чудные мысли озаряют мозг, как лучи солнца искрятся на снегах горы Кения. Туземцы называют гору «Божием перстом», и это название, кажется мне, говорит о вечном мире и торжественной тишине, царящей там, в этих снегах. Невольно вспомнились мне слова поэта: красота – это радость каждого человека! И я в первый раз понял всю глубину его мысли. Разве не чувствует человек, смотря на величественную, снегом покрытую гору, эту белую гробницу протекших столетий, – свое собственное ничтожество, разве не возвеличит Творец в сердце своем? Да, эта вечная красота радует сердце каждого человека, и я понимаю маленькую Флосси, которая называет гору Кения своим другом. Даже Умслопогас, старый дикарь, когда я указал ему на снежную вершину, сказал: «человек может смотреть на нее тысячу лет и никогда не наглядеться!» Он придал своеобразный колорит своей поэтической мысли, когда добавил протяжно, словно печально пел, что когда он умрет, то желал бы, чтобы его дух вечно находился на снежно-белой вершине, овеянной дыханием свежего горного ветра, озаренный сиянием света, и мог бы убивать, убивать, убивать!..

– Кого убивать, кровожадный старик? – спросил я.

Он задумался.

– Тени людей! – наконец, ответил он.

– Ты хочешь продолжать убивать даже после смерти?

– Я не убиваю, – отвечал он важно, – я бью во время боя. Человек рожден, чтобы убивать. Тот, кто не убивает – женщина, а не мужчина! Народ, который не знает убийства, – племя рабов. Я убиваю людей в битве, а когда я сижу без дела «в тени», то надеюсь убивать! Пусть будет проклята навеки моя тень, пусть промерзнет до костей, если я перестану убивать людей, подобно бушмену, когда у него нет отравленных стрел! – и он ушел, полный собственного достоинства. Я засмеялся ему вслед.

В это время вернулись люди, посланные нашим хозяином еще рано утром разузнать, нет ли в окрестностях следов Мазаев, и объявили, что обошли на 15 миль всю округность и не видали ни одного дикаря. Они надеялись, что дикари бросили преследование и ушли к себе. Мистер Мекензи, видимо, обрадовался, узнав это, впрочем, как и мы, так как имели достаточно забот и тревог от Мазаев. В общем, мы полагали, что дикари, зная, что мы благополучно достигли миссии, не рискнули напасть на нас здесь и бросили погоню. Как обманчивы были наши догадки, показало нам дальнейшее!

Когда мистер Мекензи и Флосси ушли спать, Альфонс, маленький француз, пришел к нам, и сэр Генри просил его рассказать, как он попал в Центральную Африку. Он рассказал нам все таким странным языком, что я не берусь воспроизводить его.

– Мой дедушка, – начал он, – был солдатом и служил в гвардии еще при Наполеоне. Он был в войске при отступлении из Москвы и питался целые 10 дней голенищами своих сапог и чужих, которые он украл у товарища. Он любил выпить и умер пьяный. Помню, я барабанил по его гробу... Мой отец...

Здесь мы перебили его, попросив рассказать о себе и оставить предков в покое.

– Хорошо, господа! – возразил маленький смешной человек с учтивым поклоном. – Я хотел только указать вам, что военные наклонности не наследственны. Мой дед был великолепный мужчина, 6 футов роста, крепко сложенный и силач. Очень замечательны были его усы. Ко мне перешли только эти усы, и больше ничего. Я, господа, повар и родился в Марселе. В этом милом городе я провел счастливую юность. Годами я мыл посуду в отеле Континенталь. То были золотые дни! – прибавил он со вздохом. – Я – француз, и неудивительно, господа, что я поклоняюсь красоте! Я обожаю красоту. Господа, мы любим розами в саду, но срываем одну из них. Я сорвал одну розу, господа, увы! Она больно уколола мне палец. Это была прелестная служанка, Анета, с восхитительной фигуркой, ангельским личиком, а ее сердце! Увы! Я хотел бы обладать им, хотя оно черно и жестко, как книга в кожаном переплете. Я любил ее без ума, обожал ее до отчаяния. Она восхищала меня. Никогда я не стряпал так чудесно, как тогда, когда Анета, дорогая Анета, улыбалась мне! Никогда, – голос его оборвался в рыданиях, – никогда не буду я так хорошо стряпать!

Он залился горькими слезами.

– Перестаньте! Успокойтесь! – произнес сэр Генри, дружески хлопнув его по спине. – Неизвестно, что может еще случиться. Если сулить по сегодняшнему обеду, то вы на пути к выздоровлению!

Альфонс перестал плакать и потер себе спину.

– Господин думает, конечно, утешить меня, но рука у него тяжелая. Продолжаю: мы любили друг друга и были счастливы. Птички в своем гнездышке не были счастливее Альфонса и его Анеты. И вдруг разразился удар! Господа простят мне, что я плачу. Мое горе было очень тяжело. Фортуна отомстила мне за обладание сердцем Анеты. Наступила тяжелая минута. Я должен был сделаться солдатом! Я бежал, но был пойман грубыми солдатами, и они колотили меня прикладами ружей до тех пор, пока мои усы от боли не поднялись кверху. У меня был двоюродный брат, торговец материями, очень некрасивый собой.

– Тебе, кузен, – сказал я, – тебе, в жилах которого течет геройская кровь наших предков, я поручаю Анету. Береги ее, пока я буду завоевывать славу в кровавых боях!

– Будь спокоен! – отвечал он. – Я все сделаю! – И он сделал, как оказалось впоследствии.

– Я ушел, жил в бараках и питался жидким варевом. Я – образованный человек, поэт по натуре, я много вытерпел от грубости окружающих. Был у нас один сержант и имел тросточку. Ах, эта трость! Никогда я не забуду ее!

– Однажды утром пришли новобранцы. Моему батальону приказано было отправиться в Тонкин. Злой сержант и другие грубые чудовища обрадовались. Я навел справки о Тонкине. В Тонкине жили дикие китайцы, которые вскрывают людям животы. Мои артистические наклонности, – потому что я артист, – возмутились против мысли, что мне могут вскрыть живот. Великие люди принимают великие решения. Я подумал и решил, что не желаю вскрыть себе живот, и дезертировал. Переодетый стариком, я добрался до Марселя, вошел в дом кузена и нашел там Анету. Это было как раз во время сбора вишен. Они забрали себе большой сук вишневого дерева, полный вишен. Мой кузен положил одну вишню себе в рот, Анета съела несколько. Они обрывали сук до тех пор, пока губы их встретились и о, ужас! Они поцеловались! Игра была очень интересна, но наполняла мое сердце яростью. Геройская кровь предков закипела во мне. Я бросился в кухню, ударил кузена моим костылем. Он упал, я убил его. Анета закричала. Прибежали жандармы. Я убежал, добрался до гавани и спрятался на корабле, который шел в море. Капитан нашел и прибил меня, но не высадил на берег, потому что я отлично ему стряпал, стряпал всю дорогу до Занзибара. Когда я попросил заплатить мне, он толкнул меня ногой. Геройская кровь деда снова закипела во мне. Я показал ему кулак и поклялся отомстить. Он снова толкнул меня. В Занзибаре нас ждала телеграмма. Я проклял человека, который изобрел телеграф, и проклинаю теперь. Меня арестовали за дезертирство и за убийство. Я бежал из тюрьмы, долго скрывался и, наконец, наткнулся на людей доброго господина кюре. Они привели меня сюда. Я весь переполнен моим горем, но не возвращусь во Францию. Лучше рисковать жизнью в этом ужасном месте, чем познакомиться с тюрьмой!

Он замолчал, а мы задыхались от смеха, отвернувшись от него.

– А, вы плачете, господа! – оказал он. – Неудивительно! – Это такая печальная история!

– Быть может, геройская кровь ваших предков восторгается еще раз, – сказал сэр Генри, – быть может, вы еще будете великим человеком! А теперь, пора спать! Я устал до смерти. Мы все плохо спали прошлую ночь!

Мы ушли. Как странно казались нам опрятные комнаты и белоснежные простыни после наших недавних приключений!

Умслопогас дает обещание

На следующее утро, когда мы собрались к завтраку, я заметил отсутствие Флосси и спросил, где она.

– Сегодня утром, – сказала ее мать, – я нашла записку у моей двери... Да вот и записка, вы можете сами прочитать ее!

Она подала мне кусочек бумаги, на котором рукой Флосси было написано следующее:

«Дорогая мама! Уже светло, и я отправляюсь на холм добыть г. Кватермэну цветок лилии, который ему так нравится. Не ждите меня. Я взяла с собой белого ослика, няню и пару мальчиков, а также немножко провизии. Я могу пробыть в лесу долго, целый день, потому что решила достать лилию, хотя бы мне и пришлось пройти 20 миль. Флосси».

– Надеюсь, что она вернется благополучно, – оказал я с испугом, – я никогда не подумал бы беспокоить ее этим цветком!

– Флосси сама знает, что делает, – ответила мать, – она часто убегает так, как настоящая дикарка!

Но мистер Мекензи, который только что вошел и прочитал записку, нахмурился, хотя ничего не сказал. После завтрака я отвел его в сторону и спросил, нельзя ли послать кого-нибудь за девочкой и вернуть ее домой, ввиду того, что поблизости могут скрываться Мазаи, и она попадет прямо к ним в руки.

– Я боюсь, что это бесполезно! – ответил он. – Она, может быть, ушла теперь за 15 миль, и кто может сказать, по какому пути она пошла. Повсюду здесь холмы! – он указал на длинный ряд возвышенностей, тянувшихся параллельно течению реки Таны и постепенно спускавшихся в покрытую кустарником равнину, на расстоянии 5 миль от дома.

Я предложил взобраться, на большое дерево и посмотреть на окрестность через зрительную трубу. Мы так и сделали, кроме того, мистер Мекензи приказал своим людям пойти поискать следы Флосси. Подъем на дерево был не особенно удобен даже по веревочной лестнице, но Гуд быстро и ловко первым влез туда. Добравшись до вершины дерева, мы взошли без труда на площадку из досок, перекинутых с одного сука на другой, на которой легко могла поместиться дюжина людей. Вид с площадки был великолепный. По всем направлениям кусты казались огромными волнами, катящимися на целые мили, и далеко, насколько можно было видеть, там и здесь пересекались яркой зеленью возделанных полей или сияющей поверхностью озер. К северо-востоку Кения поднимала свою могучую голову, и мы могли видеть, как река Тана извивалась, словно серебристый змей, у ее подошвы и текла дальше в океан. Это – дивная, чудная страна и ждет руки цивилизованного человека, который бы развил ее производство. Но мы не заметили никакого признака Флосси и ее ослика и сошли с дерева опечаленные.

На веранде я нашел Умслопогаса. Он точил свой топор маленьким оселком, который он всегда носил с собой.

– Что ты делаешь, Умслопогас? – спросил я.

– Пахнет кровью, – был ответ, – я тороплюсь наточить его!

После обеда мы опять взобрались на дерево и осмотрели всю окрестность, но безуспешно.

Когда мы сошли вниз, Умслопогас все еще точил свой «Инкози-каас», хотя топор был остер, как бритва. Альфонс стоял перед ним и смотрел на него со страхом и восхищением. Действительно, сидя на корточках, по обычаю зулусов, Умслопогас представлял собой странное зрелище со своим диким, но осмысленным лицом, натачивая непрестанно свой убийственный топор.

– О, чудовище, ужасный человек! – воскликнул маленький француз, всплеснув руками. – Посмотрите на его голову! Словно у крошечного бэби! И кто только вскормил такого дитятку! –

он разразился смехом. С минуту Умслопогас смотрел на него, и злой огонек загорелся в его глазах.

– Что такое болтает эта буйволица (Так называл Альфонса Умслопогас из-за его усов, женственных движений и маленького роста)? Пусть он будет осторожнее, или я обломаю ему рога. Берегись ты, маленькая обезьяна, берегись!

К несчастью. Альфонс продолжал смеяться над «смешным черным господином».

Я только хотел предупредить его, как вдруг зулус вскочил с веранды, подбежал к нему с лицом, искаженным злобой, и начал вертеть своим топором над головой француза.

– Перестань! – закричал я французу. – Стойте смирно, если вам дорога жизнь! Он убьет вас!

Сомневаюсь, чтобы Альфонс, совершенно перепуганный, слышал меня. Затем последовали странные манипуляции с топором. Сначала топор летал над головой Альфонса с необыкновенной легкостью и силой все ближе и ближе к голове несчастного, почти касаясь ее. Потом вдруг движение его изменилось, – он начал летать буквально вокруг всего тела Альфонса, не ближе нескольких дюймов, но не задевал его. Странное зрелище представлял из себя маленький человек, скорчившийся, не смеявший двинуться с места из опасения неминуемой смерти. Его черный палач продолжал вертеть около него топором, сверху, справа, слева, вокруг всего маленького человека. Более минуты продолжалось это, потом я увидел, как что-то блестящее коснулось лица Альфонса, и что-то черное упало на землю. Это был кончик шегольских усов маленького француза. Умслопогас облокотился на свой топор и громко захохотал, а Альфонс, подавленный страхом, упал на землю. Мы стояли и смотрели, пораженные этим сверхъестественным искусством владения оружием.

– Инкози-каас очень остер! – сказал зулус. – Удар, отрубивший рог буйволицы, мог бы разрубить человека с головы до пят. Редко кто умеет так ударить, как я. Смотри, маленькая буйволица! Добрый ли я человек, если смеюсь теперь? Ты был на волосок от смерти. Не смейся опять! Я все сказал!

– Зачем ты выкидываешь такие штуки? – спросил я дикаря с негодованием. – Ты, вероятно, помешан! Ты мог убить человека!

– Нет, Макумацан, я не убью! Трижды, пока топор летал, недобрый дух шептал мне, чтобы я прикончил его; но я не послушал его. Я пошутил, но «буйволица» нехорошо делает, что насмеяется надо мной. Теперь я пойду делать щит, я слышу, что пахнет кровью, Макумацан! Поистине, пахнет кровью! Разве ты не замечал перед битвой, как появляются на небе коршуны? Они слышат запах крови, Макумацан, а мое чутье еще острее. Я иду делать щит!

– Этот ваш дикарь довольно неприятная личность! – сказал мистер Мекензи, бывший свидетелем всей сцены. – Он напугал Альфонса, посмотрите! – миссионер указал на француза, который, весь дрожа, с побелевшим лицом, направлялся к дому. – Я не думаю, чтобы он стал еще смеяться над «черным господином»!

– Да, – отвечал я, – он зло шутит! Когда он рассердится, с ним беда, а между тем у него предоброе сердце! Я помню, как несколько лет тому назад он нянчил целую неделю больного ребенка. У него странный характер, но он правдив и верный товарищ в опасности!

– Он уверяет, что пахнет кровью, – возразил мистер Мекензи, – надеюсь, что он ошибается. Я страшно боюсь за мою дочку. Она или ушла далеко, или сейчас будет дома. Уже больше трех часов теперь!

Я напомнил ему, что Флосси взяла с собой провизии и может вернуться не раньше ночи. В душе я сильно опасался за нее.

Вскоре после этого, люди, которых мистер Мекензи посылал на поиски Флосси, вернулись и сказали, что они нашли следы ослика за две мили от дома и потом потеряли их на каменистом грунте. Они исходили страну вдоль и поперек, но безуспешно. День прошел очень скучно. К вечеру, когда о Флосси не было и помину, наши опасения дошли до крайнего пре-

дела. Бедная мать совершенно растерялась от страха, но отец Флосси еще крепился. Все возможное было сделано. Люди были разосланы по всем направлениям, на большом дереве учредили постоянный наблюдательный пост. Все напрасно. Стемнело. Милая Флосси исчезла. В восемь часов мы сели ужинать. Тяжелый это был ужин. Миссис Мекензи не вышла. Мы сидели молча. Кроме понятного страха за участь ребенка, нас давила мысль, что мы навлекли столько горя и тревоги на дом гостеприимного хозяина. Наконец, я попросил извинения и встал из-за стола. Мне хотелось уйти и подумать обо всем. Я ушел на веранду и, закутив трубку, сел в десяти шагах от конца строения. Как раз напротив меня находилась узкая дверь в стене, огораживающей дом и сад. Я сидел так минут 6 или 7, как вдруг услышал легкое движение двери. Я взглянул в этом направлении, прислушался и решил, что ошибся. Ночь была очень темна, и месяц еще не взошел. Через минуту вдруг что-то круглое, мягкое упало на каменный пол веранды и покатилося около меня. Я не встал, хотя очень удивился и подумал, что это было какое-нибудь животное. Потом другая мысль пришла мне в голову, я встал и дотронулся рукой до круглого предмета. Он двигался. Очевидно, это не животное. Что-то мягкое, теплое, легкое. Испуганный, я поднял его, чтобы разглядеть при слабом мерцании звезд. Это была только что отрубленная человеческая голова.

Я старый воробей и не часто пугаюсь, но при этом зрелище чуть не упал. Как эта голова попала сюда? Что это значит? Я бросил ее и побежал к двери. Никого и ничего. Я хотел войти дальше, в темноту, но, вспомнив, что рискую быть убитым, вернулся назад, запер дверь и заложил ее. Затем я пошел на веранду и, насколько мог, постарался беззаботно позвать Куртиса. Но, вероятно, в моем голосе было что-то особенное, потому что и сэр Генри, и Гуд, и Мекензи встали из-за стола и прибежали ко мне.

– Что случилось? – спросил миссионер испуганно.

Я рассказал им. Мистер Мекензи повернулся ко мне, бледный, как смерть, схватил голову за волосы и поднес ее к свету, проникающему сюда из комнаты.

– Это голова одного из людей, сопровождавших Флосси! – сказал он дрожащим голосом. – Слава Богу, что это не ее голова!

Мы стояли и смотрели друг на друга. Что делать? Вдруг раздался стук в дверь, которую я запер.

– Открой, отец мой, открой! – кричал чей-то голос.

Дверь открыли. Вошел испуганный человек, один из слуг, которые были посланы на разведку.

– Отец мой, – кричал он, – Мазаи близко! Большой отряд обошел вокруг холма и двинулся к каменному краю, через поток. Отец мой! Укрепи свое сердце! В середине отряда я видел белого осла, и на нем сидела «Водяная Лилия». Молодой воин ведет осла, а рядом идет и плачет нянька. Другого человека, который пошел с ними, я не видал.

– Дитя спокойно? – спросил миссионер хриплым голосом.

– Она бела, как снег, но спокойна, отец мой! Они прошли около меня, где я лежал, спрятавшись, и я хорошо видел лицо «Водяной Лилии»!

– Помоги ей, Боже! – простонал священник.

– Сколько их всех? – спросил я.

– Больше двухсот, двести и половина!

Снова мы посмотрели друг на друга. Что делать? В это время из-за стены донесся до нас шум и крики.

– Открой дверь, белый человек, открой дверь! Вестник хочет говорить с тобой! – крикнул чей-то голос.

Умслопогас побежал к стене, взобрался на нее и начал смотреть туда.

– Я вижу одного человека! – сказал он. – Он вооружен и несет в руке корзину!

– Открой дверь! – сказал я. – Открой, Умслопогас, возьми твой топор и встань около двери. Впусти одного человека. Если за ним последует другой, бей его!

Дверь была открыта. В тени встал Умслопогас с поднятым топором. В это время на небе появился месяц. После минутной паузы показался Мазаи Эльморан, в полном вооружении, с корзиной в руке. Луч месяца заблестел на его огромном копье. Это был физически великолепно сложенный человек, около 35 лет, высокий, превосходно сложенный. Я никогда не видел между Мазаями людей меньше шести футов роста. Остановившись против нас, он бросил корзину и воткнул копьё в землю.

– Позволь нам говорить! – оказал он. – Первый вестник, которого мы тебе послали, не может говорить! Он указал на мертвую голову, – ужаснейшее зрелище при свете месяца, – но я имею слово вам сказать, если у вас есть уши, чтобы слышать их. Я принес подарки! Он показал на корзину и засмеялся с небрежным видом, поистине удивительным, так как он был окружен врагами.

– Говори! – сказал мистер Мекензи.

– Я – лигонини (капитан) из отряда Мазаев. Мы выследили этих трех белых людей, – он указал на сэра Генри, Гуда и меня, – но они скрылись от нас. Мы поссорились с ними и решили убить их! Следя за этими людьми, сегодня утром мы поймали двух черных людей, одну черную женщину, белого осла и белую девочку. Одного из черных людей мы убили – его голова лежит тут! Другом убежал. Черная женщина, белая девочка и белый осел у нас. Мы взяли их и привели сюда. В доказательство этого я принес сюда корзину. Скажи мне, это корзина твоей дочери?

Мистер Мекензи кивнул головой.

– Хорошо! Мы не ссорились с тобой и твоей дочерью и не желаем беспокоить тебя, хотя мы взяли твой скот – двести сорок голов! Пригодится для наших отцов.⁶ Мистер Мекензи застонал, так как высоко ценил свой скот, который заботливо хранил и растил.

– Кроме скота, мы никого не тронем, потом, – добавил он простодушно, поглядывая на стену, – из этого места трудно достать кого-нибудь! Но эти люди – другое дело. Мы следили за ними дни и ночи и должны убить их. Если мы вернемся к себе в крааль, не убив их, все девушки будут смеяться над нами. Во что бы то ни стало, они должны умереть. Пусть слышат теперь твои уши мое предложение! Мы не трогали белую девочку. Ома слишком красива, и дух ее смел. Отдай нам одного из этих трех людей, – жизнь за жизнь! Мы отдадим тебе девочку и с ней также черную женщину. Прекрасный обмен, белый человек! Мы просим отдать только одного из трех, мы найдем другой случай убить двух других. Я предпочитаю взять вот этого толстого, – он указал на сэра Генри, – он выглядит силачом и не так скоро умрет!

– А если я скажу, что не выдам ни одного? – сказал мистер Мекензи.

– Не говори так, белый человек, – отвечал воин. – Тогда дочь твоя умрет, а черная женщина говорит, что у тебя только одно дитя. Будь она старше, я взял бы ее к себе, но она очень мала, и я убью ее моей собственной рукой вот этим копьем! Ты можешь придти и посмотреть, если хочешь! Вот тебе мое условие! – дикарь громко засмеялся.

Все это время я думал и пришел к заключению, что должен заменить Флосси. Я боялся только недоразумения. В моем решении не было ничего героического. Это было дело простого здравого смысла и справедливости. Моя старая, негодная жизнь никому не нужна, девочка только начинала жить. Ее смерть убила бы ее родителей, а обо мне некому горевать. Напротив, несколько благотворительных учреждений порадовались бы моей смерти.

Тем более, дорогое, милое дитя ради меня попало в это положение! Кроме того, мужчина легче встретит смерть в такой ужасной форме, чем слабое, нежное дитя. Я не трус и от природы

⁶ Молодые воины не имеют собственности. Все добыча, которую они приобретают в битве, принадлежит их отцам или начальникам.

смелый человек, но мой план заключался в том, чтобы выручить прежде всего девочку из беды, а затем убить себя, надеясь, что Всемогущий Бог простит мне самоубийство в таких исключительных обстоятельствах. В несколько секунд все эти мысли промелькнули в моей голове.

– Хорошо, Мекензи, – сказал я, – скажи дикарю, что я буду выкупом за Флосси, но что я ставлю условием, чтобы она была дома, прежде чем они убьют меня!

– Нет! – вскрикнули вместе и сэр Генри, и Гуд. – Это невозможно!

– Нет, нет, – возразил миссионер, – я не запачкаю своих рук человеческой кровью! Если Богу угодно, моя дочь умрет, на то Его святая воля. Вы храбрый и благородный человек, Кватермэн, но я вам не позволю сделать это!

– Если другого исхода нет, я сделаю это! – сказал я решительно.

– Это важное дело, – сказал мистер Мекензи, обращаясь к лигонини, – мы должны подумать! На рассвете мы дадим ответ!

– Очень хорошо, белый человек! – отвечал небрежно дикарь. – Только помни, если запоздаешь с ответом, твое дитя никогда не расцветет в пышный цветок, я убью ее вот этим копьём! Я мог подумать, что ты хочешь сыграть с нами шутку и напасть на нас сегодня ночью, но я знаю, что все твои люди ушли, здесь у тебя только 20 человек. Где ж твоя мудрость, белый человек, оставлять при краале так мало воинов! Ну, доброй ночи, прощай! Доброй ночи вам, белые люди, ваши глаза я скоро закрою навсегда! На заре я буду ждать ответа! – Повернувшись к Умслопогасу, стоявшему позади него, он произнес.

– Открой мне дверь, товарищ!

Это было уж слишком для старого вождя, который терял терпение. Последние десять минут он не мог стоять спокойно и готов был броситься на дикаря. Положив свою длинную руку на плечо воина, он дал ему такой здоровый толчок, что тот очутился лицом к лицу с ним.

Приблизив свое свирепое лицо к злобным чертам Мазаи, он сказал тихим голосом:

– Видишь ты меня?

– Да, товарищ, я вижу тебя!

– А это видишь? – он завертел топором перед его глазами.

– Да, товарищ, а вижу эту игрушку. Что из этого?

– Ты, дикая собака, хвастливый мешок, захватывающий маленьких девочек! Этой игрушкой я убью тебя! Хорошо, что ты вестник, а то я раздробил бы тебя на кусочки!

Воин махнул своим длинным копьём и засмеялся.

– Я хотел бы стоять с тобой в бою, как муж с мужем! Тогда бы мы посмотрели!

Он повернулся, чтобы уйти, все еще смеясь.

– Ты будешь стоять со мной, как муж с мужем, не бойся! – возразил Умслопогас тем же зловещим голосом. – Ты встанешь лицом к лицу с Умслопогасом, происходящим от царственной крови Чеки, из народа Амазулусов, и согнешься под ударами Инкози-кааса. Смейся, смейся! Завтра ночью шакалы будут смеяться и грызть твои кости!

Когда воин ушел, один из нас взял корзину Флосси и открыл ее. В корзине находился чудный цветок лилии Гойа, в полном расцвете и совершенно свежий. Там же лежала записочка Флосси, написанная ее детской рукой, карандашом, на кусочке сырой бумаги, в которой, вероятно, была завернута провизия.

«Дорогие мои папа и мама! – писала она. – Мазаи схватили нас, когда мы возвращались домой. Я хотела убежать, но не могла. Они убили Тома, другой убежал. Меня и няню они не трогают, но говорят, что потребуют в обмен за нас одного человека из отряда мистера Кватермэна. Я не хочу ничего подобного. Не позволяйте никому рисковать своей жизнью за меня. Попытайтесь напасть на них ночью! Они будут пировать и есть трех быков, которых украли и убили. У меня есть револьвер, и если помощь не придет, я застрелюсь! Им не удастся убить меня. Вспоминайте обо мне, если я умру, дорогие папа и мама! Я очень испугана, но надеюсь на Бога. Не смею больше писать, они начинают замечать! Прощайте! Флосси».

С наружной стороны было кое-как начиркано:

«Привет мой мистеру Кватермэну! Они обещали отдать вам корзину, и он получит свою лилию!»

Я прочитал эти слова, написанные маленькой смелой девочкой в часы тяжелой опасности, когда сильный мужчина мог потерять голову, тихо заплакал и еще раз в душе поклялся, что она не умрет, если моя жизнь может спасти ее!

Долго и серьезно обсуждали мы наше положение. Я снова говорил, что пойду к дикарям, снова миссионер не хотел допустить этого, и Куртис, и Гуд, как истинные друзья, поклялись, что пойдут тогда со мной, чтобы умереть вместе.

– Необходимо на чем-нибудь остановиться, – сказал я, – до наступления утра!

– Тогда нападём на них теми силами, какие у нас есть и попытаем счастья! – сказал сэр Генри.

– Да, да, – заворчал Умслопогас на своем языке, – ты говоришь, как муж Инкубу. Чего бояться? Двести пятьдесят Мазаев! А нас сколько? Начальник (мистер Мекензи) имеет двадцать человек, у тебя, Макумацан, 5 человек, еще 5 белых людей, всего 30 человек! Довольно с нас, довольно! Слушай, Макумацан, ты, храбрый и старый воин! Что говорит девочка? Мазаи будут есть и напьются, пусть это будет их похоронный пир! Что сказала мне собака, которую я убью на рассвете? Что он не боится нападения, потому что нас мало. Знаешь ты этот старый крааль, где они расположились? Я видел его утром. – Он начертил овал на полу. – Здесь – вход, через терновый кустарник, он круто поднимает вверх. Инкубу, ты, и я с топорами первые встанем и начнем против сотни человек! Слушай теперь! Это будет славный бой! Как только свет начнет скользить по небу, не раньше, пусть Бугван, твой друг, проскользнет с 10 людьми на верхний конец крааля, где есть узкий вход. Пусть они молча убьют часовых, чтоб не было звука, и стоят наготове. Тогда Инкубу и я, мы двое, и один из Аскари, с широкой грудью, – он смелый человек, – проползем в отверстие входа, через кусты, убьем часовых и с топорами в руках встанем по сторонам дороги, недалеко от ворот. Потом возьмем 16 человек, разделим их на два отряда! С одним пойдешь ты, Макумацан, с другим «молитвенный человек» (Мекензи), и возьмите винтовки. Пусть одни идут по правой стороне от крааля, другие – по левой. Когда ты, Макумацан, заревешь, как бык, все откроют огонь по спящим людям, только осторожно, чтоб не задеть дитя. Тогда Бугван и с ним 10 людей издадут воинственный клич, перепрыгнут через стену и перебьют Мазаев. Если все случится так, то Мазаи, сытые и сонные, как дикие звери побегут ко входу в кустарник, прямо на тех, кто будет стоять у входа, а я, Инкубу и Аскари подождем и перебьем остальных. Вот мой план, если у тебя есть лучше, скажи!

Я объяснил остальным все подробности плана, и они присоединились ко мне, выражая величайшее удивление ловко и умно составленному плану атаки. Старый зулус поистине был лучшим командиром, какого я знал. После некоторого обсуждения мы порешили принять этот план, представлявший единственный возможный исход и подававшим некоторую надежду на успех.

– Ага, старый лев! – сказал я Умслопогасу, – ты умеешь так же хорошо выжидать добычу, как кусать ее, умеешь ловко хватать ее, где ее слишком много!

– Да, да, Макумацан! – ответил он. – Сорок лет я воин, и много чего видал. Хороший будет бой! Пахнет кровью, я говорил тебе, пахнет кровью!

Рассвет близок

Понятно, что при первом появлении Мазаев все население миссии высыпало наружу, за каменную стену. Мужчины, женщины, дети собрались группами, разговаривая о дикарях, об их обычаях, об участи, которая ждет их, если кровожадным воинам удастся проникнуть за стену.

Мы принялись немедленно за выполнение плана. Мистер Мекензи послал привести мальчиков 12–15 лет и направил их в разные места следить за лагерем Мазаев с приказанием доносить время от времени, что там происходит. Несколько парней и женщин были поставлены вдоль стены, чтобы предупредить нас в случае неожиданного нападения. Затем двадцать человек, составлявшие наши главные силы, собрались в доме, и наш хозяин обратился к ним и к нашим Аскари с речью.

Это была исключительная сцена, оставившая глубокое впечатление на присутствовавших.

Около огромного дерева стояла коренастая фигура миоссионера. Он снял шляпу, одна рука его, пока он говорил, была поднята кверху, другая покоилась на гигантском стволе дерева. На добром лице его ясно отражалась душевная скорбь. Близ него сидела на стуле его бедная жена, закрыв лицо руками. Сбоку стоял Альфонс, выглядевший очень печально, а позади него стояли мы трое. За ними Умслопогас, склонив вниз свое угрюмое лицо и опираясь, по обыкновению, на свой топор. Впереди стояла группа вооруженных людей, одни с винтовками в руках, другие – с копьями и щитами, следившие с серьезным вниманием за каждым словом миссионера.

Серебристые лучи месяца, проникая через ветви дерева, освещали бледным светом всю сцену, а меланхолическая песня ночного ветра прибавляла еще более тяжелый оттенок грусти всей картине.

– Люди, – произнес мистер Мекензи, объяснив всем собравшимся наш план возможно яснее, – много лет я был вашим лучшим другом, защищал вас, учил, берег вас и ваши семьи от всяких тревог, и вы благоденствовали здесь, у меня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.